

УДК 911.6(470+476)

РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ: ПРОТИВОРЕЧИЯ ИНТЕГРАЦИИ И ТРАНСГРАНИЧНОЙ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ. ОТ ДРУЖБЫ К СОТРУДНИЧЕСТВУ?

© 2023 г. А. Б. Себенцов^{а, *}, К. А. Морачевская^{а, б, **}, М. С. Карпенко^{а, ***}

^аИнститут географии РАН, Москва, Россия

^бСанкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

*e-mail: asebentsov@igras.ru

**e-mail: k.morachevskaya@spbu.ru

***e-mail: kms@igras.ru

Поступила в редакцию 11.12.2022 г.

После доработки 23.08.2023 г.

Принята к публикации 22.09.2023 г.

Трансграничная регионализация (ТР) — процесс и одновременно результат развития трансграничных взаимодействий, ведущих к появлению трансграничных регионов. Переосмысливая европейский опыт и постулаты советской районной школы, исследователи ТР пытаются понять принципы построения трансграничных регионов на новых и старых границах России. Однако многие фундаментальные вопросы так и остаются открытыми. Какое влияние на ТР оказывают межгосударственные интеграционные инициативы? Что вносит более весомый вклад в регионализацию — институционализация трансграничных взаимодействий, добрососедские отношения или наличие функциональных связей между соседями? Цель работы состоит в том, чтобы, используя кейс российского-белорусского пограничья, отличающегося низкой барьерностью границы и культурно-исторической близостью, внести вклад в эту дискуссию. Концептуальную основу составляет понимание ТР как процесса, определяемого как внутренними (часто “объективными”), так и внешними (“субъективными”) факторами, что позволяет примирить “объективистские” и “конструктивистские” исследовательские подходы. Работа опирается на анализ официальной статистической информации, результаты многолетних полевых исследований, включая экспертные интервью, а также экспертное анкетирование. Исследование показало, что интеграционные процессы замедляют дивергенцию регионов российско-белорусского пограничья в социально-экономическом отношении, но не приводят к заметной конвергенции. Сочетание этих процессов, с одной стороны, подрывает потенциал ТР, а с другой — создает предпосылки для формирования “приграничной ренты”, взаимодополняемости рынков труда, выполнения российско-белорусским пограничем функции “буферной зоны”. Наряду с межстоличностью и транзитностью, на ТР оказывает влияние периферизация, которая идет бок о бок с разрушением трансграничной транспортной связности территории. Повседневные практики жителей пограничья пока еще создают сравнительно прочную ткань сотрудничества, однако уход советских поколений и продолжающаяся депопуляция пограничья со временем могут привести к деградации трансграничных взаимодействий. Выявлено, что слабая институциональная база и недостаток финансовой поддержки сотрудничества воспринимаются экспертами как серьезный лимитирующий фактор, в особенности той частью, которая имеет опыт реализации программ соседства на границах с ЕС.

Ключевые слова: трансграничная регионализация, трансграничные регионы, приграничное сотрудничество, Днепро-Двинский регион, российско-белорусское пограничье, евразийская интеграция, Союзное государство, периферизация, институционализация

DOI: 10.31857/S2587556623080150, EDN: GQUSGJ

ВВЕДЕНИЕ И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Множественность определений трансграничной регионализации (ТР) вызывает значительные сложности для исследования этого феномена. По мере развития постструктуралистских подходов к изучению общественных явлений, в частности

распространения идей критической геополитики, дискурсивных методов анализа и подходов “нового регионализма” многоаспектность и многоуровневость ТР лишь расширилась. Некоторые наиболее авторитетные исследователи полагают, что нет нужды в разработке объективных критериев выделения трансграничных регионов (Jes-

sop, 2003), так как наиболее продуктивными были и остаются эмпирические исследования процессов ТР. Это объясняется уникальностью региональных контекстов, чувствительностью самой ТР к социальным и экономическим инновациям, интеграционными и дезинтеграционными процессами разного масштаба (Perkmann, 2003, 2007). Эмпирические подходы действительно доминируют при изучении феномена ТР. В России лишь в немногих работах предпринимались серьезные попытки теоретических обобщений, при этом их большая часть основывалась на анализе и синтезе современных западных подходов и наработок советской школы экономической географии (Трансграничный ..., 2010).

Эмпирический анализ процессов ТР и трансграничного сотрудничества приводил многих авторов к выводу, что трансграничные регионы (ТГР) в наиболее зрелой форме сформировались на западных рубежах России со странами ЕС. На границах с большинством постсоветских стран трансграничное сотрудничество существовало в основном в зачаточной форме, хотя, безусловно, трансграничные взаимодействия населения были весьма активны. ТГР же рассматривались в основном как ментальные конструкции, существующие в умах отдельных практиков и целого ряда исследователей. Во многом эту ситуацию можно назвать парадоксальной. Евразийская интеграция, сделавшая часть постсоветских границ более открытыми, подтолкнула многих авторов к переосмыслению европейского опыта исследования ТР, к попыткам выявить новые и обосновать “старые” трансграничные регионы на внутренних евразийских рубежах. Открытыми остаются вопросы, что вносит более весомый вклад в регионализацию: градиенты в социально-экономическом развитии или комплементарность экономик приграничных регионов, институционализация трансграничных связей или наличие функциональных связей между соседями. Российско-белорусская трансграничная территория, характеризующаяся низкой барьерностью границы и культурно-исторической близостью, в этом отношении является естественным полигоном исследования (Колосов и др., 2016).

Данная работа решает несколько исследовательских задач. Во-первых, это разработка концептуальной основы, которая позволит адаптировать европейские теоретические конструкции к реалиям постсоветских границ. Во-вторых, это оценка факторов, способствующих и препятствующих ТР в российско-белорусском пограничье, и анализ практики трансграничных взаимодействий. Наконец, это попытка выявить противоречия между ТР и межгосударственной интеграцией, а также потенциал расширения практик сотрудничества.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАМКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Несмотря на то, что понятийно-терминологический аппарат исследований ТР до сих пор не устоялся, можно выделить несколько теоретических постулатов и соответствующих им исследовательских подходов.

Во-первых, в большинстве исследований ТР рассматривается как полимасштабный и многоуровневый процесс. Полимасштабный подход предполагает, что территория может быть участником одновременно нескольких ТГР, отличающихся территориальным охватом, плотностью и характером связей между ключевыми акторами сотрудничества (Perkmann, 2007). Ряд исследователей также использует для анализа ТР и выявления ТГР “сетевые подходы” (Blatter, 2003) и концепцию многоуровневого управления (Hooghe, Marks, 2001; Бусыгина, Филиппов, 2009; Кондратьева, 2014). Наконец, британский социолог Б. Джессоп говорит о “полискалярном” подходе, в рамках которого масштаб (scale) рассматривается одновременно и как “пространственный охват”, и как “горизонт действий”, и как “размах конкретных процессов”, и как конкретное пространство, наделенное определенным политическим или административным статусом (район, регион и др.) (Jessop, 2003). Трансграничные регионы при таком подходе являются результатом поиска баланса между “масштабом различных социальных процессов, акторов и явлений” с одной стороны и привычными нам территориальными масштабами (мир—страна—регион—район—город) с другой. Ремасштабирование первых приводит к (де/ре)территориализации вторых. Учет перчисленных выше подходов чрезвычайно важен в условиях российского пограничья, где локальные и региональные процессы вследствие высокого уровня централизации определяются национальными властями.

Во-вторых, ТР рассматривается как процесс, протекающий в разных сферах жизни общества. В результате выделяются частные виды ТР — культурная, языковая, политическая (Schmitt-Egner, 2002). П.Я. Бакланов и др. предлагают учитывать также “природную связность”, поскольку природные системы часто определяют целостность формирующихся ТГР и создают объективные предпосылки для международного сотрудничества (Бакланов, 2018; Волынчук, 2009). Исследования показывают, что все виды связности могут развиваться одновременно, вовлекая один и тот же регион в “разные территориальные контексты”, что, с одной стороны, ставит перед исследователями проблему разработки комплексного подхода к выявлению ТГР, а с другой стороны, демонстрирует принципиальную невозможность разработки универсального, то есть подходящего для всех

участков границ, сплошного районирования трансграничных территорий.

Среди частных видов ТР экономическая играет особую роль. Ее измерение обычно предполагает анализ уровня конвергенции и комплементарности региональных экономик. Конвергенцию часто определяют как стремление к пространственному равновесию, а дивергенцию — как пространственное неравновесие (Lipshitz, 1992), однако ключевой идеей обоих процессов является увеличение или уменьшение подобия. Существует также многомерный взгляд на конвергенцию, означающий “сочетание социальных и экономических аспектов” (Benedek and Moldovan, 2015; Cartone et al., 2021), сближение подобных, но не одинаковых объектов (Воронов, 2014). Спорным является вопрос, что определяет интенсивное сотрудничество — похожесть или, наоборот, наличие различий. Комплементарность, взаимодополняемость региональных экономик так или иначе влияет на потенциал ТР. К. Зоном разработана концепция границы как ресурса. С одной стороны, ресурс границы состоит в асимметричных трансграничных взаимодействиях, то есть в тех контактах, которые возникают в поисках выгоды на соседней стороне. С другой стороны, ресурс границы состоит в подталкивании процесса обмена инновациями, стимулировании сближения — находящиеся рядом территории стремятся к похожести, к обеспечению одинакового уровня жизни (Sohn, 2014). Развивая идеи К. Зона, мы полагаем, что анализ потенциала ТР должен строиться на основе в чем-то взаимоисключающих составляющих — как сближения/расхождения, так и взаимодополняемости.

В-третьих, ряд современных исследований показывают, что ТГР могут рассматриваться не только как реальность, базирующаяся на функциональной основе, но и как конструируемая и чрезвычайно изменчивая реальность (Fawcett, 2005). ТГР понимаются сторонниками идей “нового регионализма” и конструктивистских подходов в качестве “идеи” или территориальных “воображаемых сообществ”, которые по мере исторического развития могут повышать или понижать свою “регионность” [*regioness* по (Hettne, 2006)]. Регионность может быть сконструирована дискурсом (Колосов, Себенцов, 2019; Макарычев, 2010), различными государственными и некоммерческими организациями и институтами (Scott, 2019), политическими “предпринимателями”, извлекающими политическую или экономическую выгоду из такой деятельности (Perkmann, 2007; Jessop, 2003). Кроме того, регион создается и воспроизводится ежедневной практикой сотрудничества, инициированной “сверху” или сформировавшейся “снизу” и являющейся частью повседневной жизни (Paasi, 1999; Popescu, 2011; Sohn, 2018).

Большинство работ, посвященных российско-белорусскому пограничью, принимает за признак единства этой территории общность географического положения (Лаврова, 2016), включая периферийность (Kolosov and Morachevskaya, 2022), межстоличность (Антипова, Катровский, 2019; Земляк и др., 2015; Катровский, 2022; Яськова, 2021) и транзитность (Кузавко, 2020). В качестве другого критерия многие авторы принимают “интенсивную интеграцию в различных областях экономики и общественной жизни”, открытость и контактность границ и отсутствие резких этнокультурных градиентов (Головных, 2002; Часовский, 2014). Следует, однако, отметить, что в таких работах всегда фигурирует сравнительный принцип, т.е. наиболее интеграционной данная граница признается только в сравнении с другими российскими рубежами, при этом реальное сотрудничество далеко не всегда соответствует уровню открытости границ. Среди других оснований для выделения российско-белорусского пограничья как единой трансграничной территории встречаются такие, как общность потребительского рынка (Вардомский, Кузавко, 2018) и туристско-рекреационное единство (Ковалев, 2011; Мажар, 2016; Щербакова, 2017). Некоторые авторы принимают природно-экологические особенности территории в качестве системообразующего признака в российско-белорусском пограничье (Голомидова, 2019; Мержинский, 2012). Ряд исследователей предлагают выделять Днепро-Двинский регион, включающий в себя Смоленскую область России, а также Витебскую и Могилевскую области Беларуси (Кузавко и др., 2019). Благодаря многочисленным статьям и целой серии опубликованных монографий это название обрело некоторую известность в экспертно-аналитических кругах. В то же время ряд авторов отмечают, что российско-белорусское пограничье как единый ТГР не столько объективно существующая реальность, сколько “ментальная конструкция, построенная для целей пространственного анализа” (Мажар, 2016).

Сторонники “традиционных” подходов к исследованию ТР выводят на первый план объективные и до определенной степени универсально действующие внутренние факторы — природные, демографические, этнокультурные, экономические и экологические. Внутренние факторы ТР предполагают наличие в структуре пограничья тяготеющих друг к другу элементов и связей между ними, а также проявлений скоординированного развития. Среди внешних факторов обычно упоминается фактор региональной политики, а в некоторых работах геополитические и геоэкономические (Сергунин, 2003). Некоторые обращают внимание на “мягкие факторы регионализации” — дискурсивные практики внутренних и внешних акторов (Laine, 2016; Scott, 2019), повсе-

дневные практики населения (Зотова и др., 2018), институциональное оформление сотрудничества (Реут, 2012; Себенцов, 2018), уровень централизации/деволюции (Яровой, 2021), практику субсидиарности и многоуровневого управления (Кондратьева, 2014), практики местного самоуправления, активность политических предпринимателей и др. Интеграция анализа внутренних и внешних факторов ТГ определит логику нашего дальнейшего анализа.

ДАННЫЕ И МЕТОДЫ

Исследование опирается на три основные группы источников информации.

Во-первых, это официальные статистические сведения, публикуемые Федеральной службой государственной статистики РФ и Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь. Эту информацию дополняют данные Федеральной таможенной службы РФ, Министерства транспорта РФ, а также информация, размещенная на порталах региональных органов исполнительной власти России и Беларуси.

Во-вторых, мы основываемся на результатах полевых исследований, которые проводятся нами на этой территории с 2008 г. Актуальные материалы были собраны в июне 2022 г. в ходе экспертных интервью на осевом участке российско-белорусского пограничья — Смоленско-Могилёвско-Витебском. Авторами было проведено 32 интервью с представителями власти, бизнеса и НКО в гг. Смоленске, Рудне, Витебске, Орше, Дубровно, Шклове и Могилёве.

В-третьих, мы используем результаты анкетирования представителей областных и районных администраций, а также бизнес-сообщества в Смоленской, Могилёвской и Витебской областях. Анкета была посвящена оценке трансграничных связей и форм сотрудничества России и Беларуси в условиях евразийской интеграции. Она включала несколько блоков: общая оценка социально-экономической ситуации в пограничье, практики трансграничного сотрудничества и влияние на них евразийской интеграции, повседневные трансграничные практики населения и оценка институтов трансграничного сотрудничества. Сложная геополитическая ситуация существенно затрудняла анкетирование экспертов. Были проанализированы собранные анкеты из 12 городов Смоленской, Могилёвской и Витебской областей, включая областные центры. Анкеты наряду с интервью стали важным источником информации о “низовом” сотрудничестве, значительная часть которого не видна в официальных отчетах профильных министерств, комитетов и департаментов приграничных областей.

Несмотря на то, что классические подходы к выделению районов предполагают особую роль внутренних факторов, в случае ТГР внешние факторы подчас играют решающую роль. Так, геополитические и военно-стратегические факторы, включая принадлежность к общему пространству безопасности в рамках одной военно-политической группы стран, определяют успех не только отдельных ТГР, но также транснационального сотрудничества и проектов региональной экономической интеграции (Арбатова, 2017). Общее пространство безопасности, отсутствие вооруженных и острых этнополитических конфликтов, позволяет снять ряд “оборонных функций” с трансграничной территории и устранить таким образом дополнительные барьеры во взаимном сотрудничестве. Геоэкономические факторы, включая интеграционные процессы, также могут стать мощным драйвером или, наоборот, препятствием для развития ТР. Поэтому *первой стадией* нашего исследования стал анализ внешних факторов ТР.

На *втором этапе* оценивались внутренние факторы ТР. Анализируя их, исследователи обычно пытаются определить в структуре территориальных систем трансграничной территории те, которые тяготеют друг к другу, выявить связи между этими элементами, найти проявления скоординированного развития. Иначе говоря, научный поиск обычно направлен на определение целостности когерентных районов (Фёдоров, Корнеевец, 2009). Поэтому на данной стадии работы рассматривалась природная связность, экономическая связность, транспортная связность, а также повседневные практики населения, связанные с трансграничной мобильностью.

На *заключительном этапе* оценивался текущий уровень институционализации трансграничного сотрудничества, а также потенциал расширения подобных практик. Трансграничное сотрудничество обычно включает в себя совокупность мер, предпринимаемых обществом для преодоления негативных эффектов границы или использования возможностей, которые она создает, координации развития, включая совместное пространственное планирование или управление. В это сотрудничество помимо национальных, региональных и местных властей вовлекаются также и различные негосударственные акторы — бизнес, некоммерческие организации, представители культурной, научной и образовательной элиты. Степень институционализации сотрудничества, высокая плотность сотрудничества — один из основных признаков, указывающих на развитие процессов трансграничной регионализации (Шлямин, 2002; Perkmann, 2003).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Внешние факторы регионализации

В 1993–1995 гг. начали проявляться первые признаки взаимных интеграционных устремлений Беларуси и России. В 1993 г. Беларусь присоединилась в Договору о коллективной безопасности (позднее — ОДКБ), а в 1995 г. к Таможенному союзу, учрежденному совместно с Россией и Казахстаном (в 1996 г. его участницей стала Киргизия, а в 1999 г. — Таджикистан). Поспешное решение о снятии таможенного контроля на внутренних границах стран-участниц в условиях отсутствия полноценной унификации законодательства в области таможенного права и внешнеэкономической деятельности стран-участниц привело к трудностям в работе формирующегося единого экономического пространства. В 1998 г. ситуация усугубилась в связи с финансовым кризисом в России и вступлением в ВТО Киргизии, что привело к многочисленным изъятиям в работе единого таможенного пространства и резко снизило эффективность нового объединения. Часть из этих недостатков была нивелирована двусторонними договоренностями между Россией и Беларусью, которые в 1996 г. подписали соглашение о формировании Сообщества России и Беларуси (1996 г.), а уже в 1997 г. вышли на подписание Договора о Союзе России и Беларуси и Устава Союза России и Беларуси. Декларация о дальнейшем сближении России и Беларуси (1998 г.) определила широкий спектр стратегических направлений сотрудничества в экономической (единая для субъектов хозяйствования правовая среда, единство таможенного пространства и т.д.), социально-гуманитарной (сближение в области пенсионного обеспечения и трудовой деятельности, социальной защиты населения и т.д.) и политической (дальнейшее углубление интеграции) сферах. Заинтересованность Беларуси в интеграции поддерживалось не только тесными историческими и социокультурными связями с Россией, но и фундаментальными экономическими причинами — потребностью в сырье и емком российском рынке для мощной обрабатывающей промышленности, доставшейся в наследство от Белорусской ССР.

Вступление в 2000 г. в силу Договора о создании Союзного государства (СГ) по ряду оценок позитивным образом сказалось на некоторых сферах сотрудничества: росте взаимной торговли и увеличении объема российских инвестиций в белорусскую экономику (Шурубович, 2019). Принятие в 2006 г. пакета документов, определивших равные права граждан России и Беларуси в каждой из стран СГ, оказало заметное влияние на миграционный обмен и трансграничные связи граждан двух стран.

Параллельно развивались процессы евразийской интеграции, которые также оказывали влияние на российско-белорусское пограничье. В октябре 2000 г. Казахстан, Россия, Беларусь, Таджикистан и Кыргызстан подписали Договор о создании Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС)¹, которое стало площадкой для подготовки нового этапа интеграции. На фоне явного торможения интеграции в рамках СГ во второй половине 2000-х годов, интеграция в рамках ЕврАзЭС напротив стала набирать обороты: в 2010–2011 гг. начал работу Таможенный союз, в 2012 г. образовалось Единое экономическое пространство, вводящее в дополнение к свободному перемещению товаров свободу перемещения капитала, услуг и рабочей силы. Возникновение евразийских институтов несло не только выгоды, но и издержки: Беларусь лишилась ряда преференций по экспорту нефтепродуктов, выработанных из российской нефти, реэкспорту европейских продовольственных товаров на российский рынок, возможностей по масштабному субсидированию собственной сельскохозяйственной продукции (Суздальцев, 2012). Все это сказалось и на пограничье, белорусская часть которого пострадала в результате торговых войн 2009 и 2011 гг.

Создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в 2015 г. дало старт функционированию евразийского пространства по принципу “четырёх свобод”, которые позволили странам-участницам добиться значительного прогресса в торговой интеграции (Morachevskaya et al., 2018). Тем не менее, торговые конфликты возникали и в 2016 г. в связи с последствиями введения Россией продовольственного эмбарго в 2014 г. Кроме того, несмотря на союзную и евразийскую интеграцию, с 2013 г. режим границы с Беларусью постепенно менялся в сторону ужесточения. Отсутствие должного уровня гармонизации визовой и миграционной политики привело к тому, что в 2013–2014 гг. на ключевых автодорогах появились российские посты, осуществлявшие выборочную проверку документов. В 2017 г. в приграничных с Беларусью регионах РФ был введен режим погранзоны, направленный на предотвращение пересечения границы гражданами третьих стран, а паспортный контроль (пограничник смотрит наличие паспорта России или Беларуси) стал сплошным.

В 2019–2020 гг. новый виток интеграции в рамках СГ привел к разработке и подписанию в 2021 г. новых 28 союзных программ, направленных на формирование общих рынков газа, нефти, электроэнергии и транспортных услуг, а также гармонизацию налогового, таможенного регулирования, кредитно-денежной политики, системы

¹ Организация прекратила свое существование с момента создания Евразийского экономического союза (2015 г.).

госзаказа и др. Однако программы СГ не имеют пространственного измерения и не вносят какого-либо вклада в формирование юридических и институциональных основ для трансграничного сотрудничества между российскими и белорусскими регионами.

Одно из существенных препятствий для развития процессов ТР в российско-белорусском пограничье — это высокий уровень централизации полномочий, низкая самостоятельность регионов и муниципалитетов в части приграничного сотрудничества, а также отсутствие проектного подхода к взаимодействию и недостаток ресурсов для финансирования проектов. По некоторым оценкам, ситуация усугубляется тем, что, в отличие от России, Беларусь не подписала Европейскую рамочную конвенцию о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей (Мадридская конвенция), ратификация которой обычно рассматривается как необходимый минимум для развития трансграничного сотрудничества. Однако, вряд ли это можно рассматривать как серьезное препятствие для сотрудничества. Во-первых, Беларусь ратифицировала Конвенцию о приграничном сотрудничестве государств-участников СНГ. Как и в Мадридской конвенции, в этом документе определены основные виды и формы сотрудничества, приведены типовые соглашения по проведению приграничных консультаций, о создании органов приграничного сотрудничества, межрегиональном и межмуниципальном сотрудничестве, а также о сотрудничестве органов внутренних дел приграничных регионов. Во-вторых, Россия и Беларусь имеют опыт сотрудничества в рамках программ соседства на своих западных и северо-западных границах со странами ЕС. В перспективе это может способствовать переносу прогрессивных практик с внешних границ СГ на внутреннее.

Большинство опрошенных нами экспертов с российской и с белорусской стороны заявляют, что не чувствуют плодов межгосударственной интеграции. “Четыре свободы” мало что значат на практике для жителей пограничья — в этом были единодушны все опрошенные эксперты: и представители бизнеса, и представители НКО, и даже работники региональных администраций по обе стороны границы.

“Наверно, интеграция заметна для каких-то крупных компаний, но для обычного человека она совершенно не видна. Период пандемии, наоборот, показал нам, что в случае чего границу можно быстро закрыть. Причем на это пошла именно Россия, так же, как и в 2017 г., когда вводила погранзону. Мы впервые почувствовали, что такое жить без соседей. Многие даже отвыкли туда ездить”.

Мужчина, 60 лет, сотрудник администрации Смоленской области

Внутренние факторы регионализации

Природная связность. Одной из предпосылок формирования когерентных районов закономерно считают природную среду, которая выступает естественной основой любого района, создает потенциал трансграничного сотрудничества в сфере природопользования, хозяйственной деятельности, совместного решения возникающих экологических проблем. Внутри ЕС значительная часть еврорегионов, рабочих сообществ и других форм трансграничного сотрудничества апеллирует в своих названиях к целостным природным объектам — горным системам, заливам, морям, водосборным бассейнам рек и озер. Работы, доказывающие природное единство российско-белорусского пограничья, отсутствуют, хотя в некоторых монографиях его территория характеризуется в физико-географическом отношении как единое целое (Российско-белорусское ..., 2022). Гораздо чаще упоминается природное и геоэкологическое единство отдельных частей обширной трансграничной территории. Так, И.И. Пирожник и др. (2018), а также Л.М. Мерзвинский (2012) обосновывали природное и эколого-географическое единство поозерий, которые охватывают центральную и северо-западную часть российско-белорусской трансграничной территории. И.И. Пирожник предлагал создать трансграничную сеть ООПТ, развитие которой могло бы быть гармонизировано с существующими и перспективными еврорегионами или подобными им образованиями (Пирожник и др., 2018). С.П. Евдокимов видит единство и в общности экологических проблем, которые приходится решать Брянской области России и Гомельской области Республики Беларусь в связи последствиями аварии на Чернобыльской АЭС (Российско-белорусское ..., 2022). А.С. Кузавко и другие смоленские авторы пишут о Днепро-Двинском регионе, включающем Смоленскую, Могилёвскую и Витебскую области. Единый речной бассейн связан с общей транспортной и пространственной организацией территории. Однако отмечается, что положение в бассейнах рр. Западной Двины и Днепра не доминирует по значимости над общностью прочих факторов развития в выделении этой территории как единой (Кузавко, 2020).

Транспортная связность. Вопрос транспортной связности в пограничье особенно актуален с учетом особенностей конфигурации систем расселения. Они таковы, что в ряде случаев для жителей отдельных районов более доступны с точки зрения расстояния региональные центры соседних областей. Так, например, для южных районов Псковской области Смоленск и Витебск оказываются до трех раз “ближе” собственного регионального центра: от приграничного Невеля 250 км до Пскова, 225 км до Смоленска и лишь 100 км до

Витебска, от Усвят — 315 км до Пскова, 165 км до Смоленска и 125 км до Витебска. Для северо-западной части Смоленской области Витебск — основной “конкурент” Смоленска по транспортной доступности для трех районов — Руднянского, Демидовского и Велижского. Обширную зону доступности имеет Гомель, оказываясь значительно ближе Брянска сразу для девяти районных центров в юго-западной части Брянской области. Современное развитие транспортной сети не всегда обеспечивает потенциальные тяготения. Например, Красногорский район Брянской области, с трех сторон “окруженный” территорией Беларуси, не имеет в ее направлении автодорог с качественным покрытием.

Для более детального анализа транспортной связности нами были проанализированы три профиля, соединяющие районные и областные центры соседствующих областей (рис. 1). В основе расчетов лежало недельное расписание движения общественного транспорта — автобусного и железнодорожного (пригородные электропоезда и поезда дальнего следования), а также время в пути на личном автомобиле. В каждом из профилей сопоставлялись фактические (временные) и экономические расстояния.

Общий анализ движения общественного транспорта показывает, во-первых, отсутствие в трансграничных перевозках пригородного железнодорожного сообщения; во-вторых, падение частоты автобусных рейсов при приближении от областного центра к линии государственной границы (периферизация приграничных территорий). Кроме того, использование личного автомобильного транспорта выделяется как наиболее подходящий вариант перемещения для всех изучаемых участков границы с точки зрения временных и экономических затрат. Трансграничные перемещения на такси осложняет необходимость оформления “зеленой” карты. Экспертные интервью показали, что при осуществлении трансграничных поездок нередко используется стыковочная форма пересечения границы — пеший переход границы с последующим использованием сети внутрирегиональных маршрутов.

Первый профиль показывает существенные градиенты в частоте внутрирегиональных маршрутов с российской и белорусской сторон границы. Транспортные связи по линии Невель—Псков в восемь раз слабее, чем связи Витебск—Городок. Вместе с тем трансграничных автобусных маршрутов, проходящих через Невель, больше, чем в направлении ближайшего субцентра Псковской области — Великих Лук. С ними приграничный Невель связывает всего один рейс в день. Два рейса в день организовано из Невеля в направлении Пскова, расстояние до которого в четыре раза длиннее, чем до Великих Лук. В этом отношении расположенный в

100 км Витебск с учетом частоты трансграничных маршрутов (автобусов и поездов) делает белорусский областной центр довольно перспективным направлением трансграничных поездок для совершения покупок, посещения культурно-массовых мероприятий и др. жителями российских приграничных районов.

Второй профиль демонстрирует наиболее высокую транспортную связность не только региональных, но и районных центров (Рудня—Лиозно) среди всех прочих — в среднем четыре трансграничных автобусных рейса в день, часть из которых совершает промежуточные остановки в районных центрах с каждой из сторон границы. Трансграничные железнодорожные маршруты на этом участке границы представлены проходящими поездами и связывают только региональные центры без осуществления промежуточных остановок в районных центрах. Пригородное железнодорожное сообщение (Рудня—Заольша—Витебск) было приостановлено по инициативе белорусской стороны с началом пандемии COVID-19 и до сих пор не восстановлено.

Третий профиль ярко демонстрирует отмеченную выше тенденцию падения числа рейсов при удалении от областного центра: количество автобусных рейсов Брянск—Почеп в 46 раз (!) больше числа автобусов, следующих по маршруту Брянск—Злынка. “Компенсировать” подобную транспортную изолированность юго-запада Брянской области могло бы развитие транспортных связей с Гомелем, однако они в настоящее время довольно слабые — трансграничное автобусное сообщение представлено рейсами Брянск—Гомель в среднем три раза в день. На этом участке границы трансграничные связи долгое время обеспечивались железнодорожным транспортом по маршруту Гомель—Новozyбков (с промежуточными остановками в Злынке, Добруше) который был отменен в 2014 г. Позже, в конце 2019 г., в связи с потребностью жителей и необходимостью обеспечения стыковочных рейсов с другими поездами, отправляющимися из Новozyбкова (в том числе поезда Новozyбков—Москва) движение по маршруту Гомель—Новozyбков было восстановлено. Современные трансграничные связи приграничных муниципалитетов обеспечиваются только международным железнодорожным транспортом (четыре пары поездов Минск—Адлер), в то время как маршрут Гомель—Новozyбков уже не функционирует. В результате доминирование внутрирегиональной связности общественным транспортом над трансграничной снижает потенциал локальных контактов на тех участках границы, где он, вероятно, мог бы быть высоким в силу конфигурационных особенностей системы расселения.

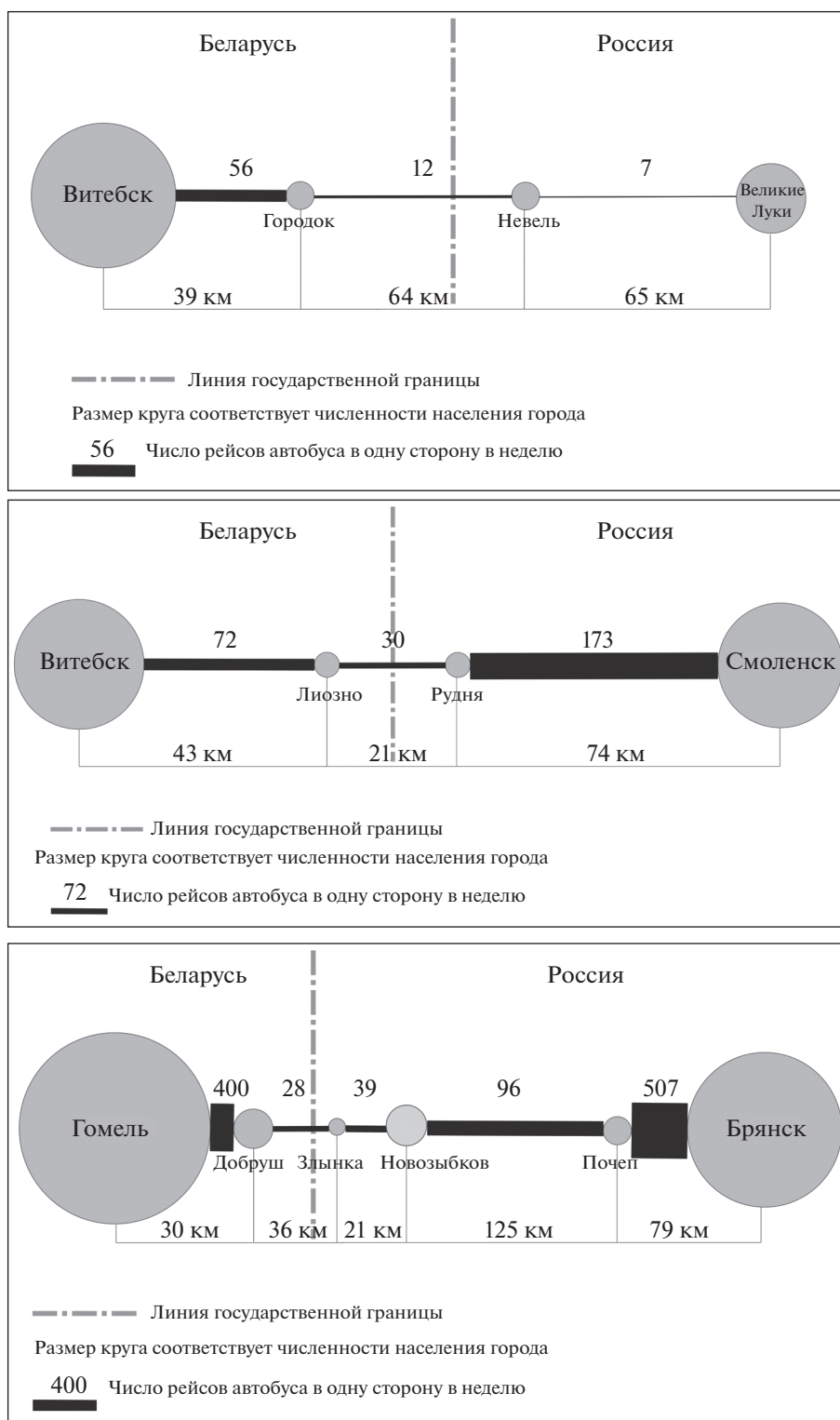

Рис. 1. Профили транспортной связности автобусным сообщением городов российско-белорусского пограничья.

Существенное воздействие на транспортную связность в российско-белорусском пограничье оказала пандемия COVID-19. Временное закрытие границ выступило, по мнению экспертов,

мощным фактором деградации транспортного сообщения. Во время обострения эпидемиологической ситуации полностью прекращалось автобусное сообщение, были отменены стыковочные

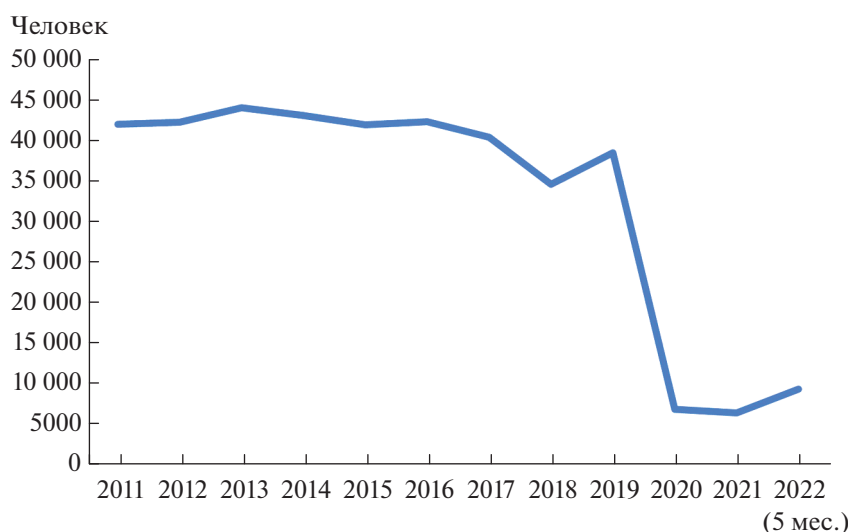

Рис. 2. Динамика перевезенных пассажиров с автовокзала Смоленска в Беларусь в 2011–2022 гг.

рейсы электропоездов и дизель-поездов, существовавшие между некоторыми областями приграничья. Подавляющее число маршрутов так и не были возобновлены к середине 2022 г. Пример автобуса Смоленск–Витебск, представленный на рис. 2, показывает, что в 2020–2021 гг. пассажиропоток упал на 75–80% и не восстановился в 2022 г.

Межстоличное положение приграничных территорий напрямую влияет на транспортную связность внутри приграничья. Трансграничные межстоличные связи (Москва–Минск) характеризуются высокой степенью интенсивности. Межрегиональная связность Москвы и Смоленска в среднем соответствует транспортной связности Москвы и Минска по всем основным видам общественного транспорта. Сильная связность этого пространства (в том числе за счет запуска в 2021 г. “ласточек” Москва–Минск), как представляется, становится фактором деградации сети трансграничных маршрутов в пограничье. Происходит замещение трансграничных маршрутов (в пределах территории пограничья) международными (в том числе между весьма удаленными от границы пунктами).

Экономическая связность. 2010-е годы характеризовались постепенным сглаживанием трансграничного градиента по ВРП на душу населения в пересчете по ППС (рис. 3а) и небольшим сближением регионов пограничья по уровню доходов (рис. 3б). При этом по-прежнему различия между областями пограничья в объемах промышленного и сельскохозяйственного производства были значительными. Поэтому несмотря на разный размер, состояние и специализацию экономики, население российско-белорусского пограничья с обеих сторон от границы в целом могло позво-

лить себе схожий уровень жизни. Вместе с тем экономический потенциал пограничья, расположенного в зоне влияния Москвы, Санкт-Петербурга и Минска, оказывался меньше, чем внутренних частей обеих стран (Морачевская, Карпенко, 2018).

На наш взгляд, можно выделить несколько текущих процессов и черт региональных экономик, характеризующих экономическую связность пограничья.

Во-первых, производственная интегрированность в российско-белорусском пограничье довольно слабая, эта черта была унаследована с советского времени. Межстоличное положение этой территории в советские годы способствовало приобретению ею особой производственной специализации — наукоемкого машиностроения (приборостроение, производство электронной промышленности и т.д.) (Катровский, Нижникова, 2021). Трансформационные процессы постсоветского времени и возникновение новых драйверов экономического роста привели к упадку многих наукоемких производств в окружающих пограничье столичных городах — Москве, Минске, Санкт-Петербурге, Киеве и Риге. Наблюдалось упрощение производственной структуры регионов пограничья, рост доли базовых отраслей промышленности (химической, деревообрабатывающей и др.) в некоторых регионах, а также формирование новых отраслей специализации.

В Псковской области производство энергетического оборудования было дополнено пищевой промышленностью за счет бурного роста “Великолукского мясокомбината”, ставшего “новой” отраслью специализации региона. Основу промышленности Смоленской области составляет химическая промышленность, интегрированная

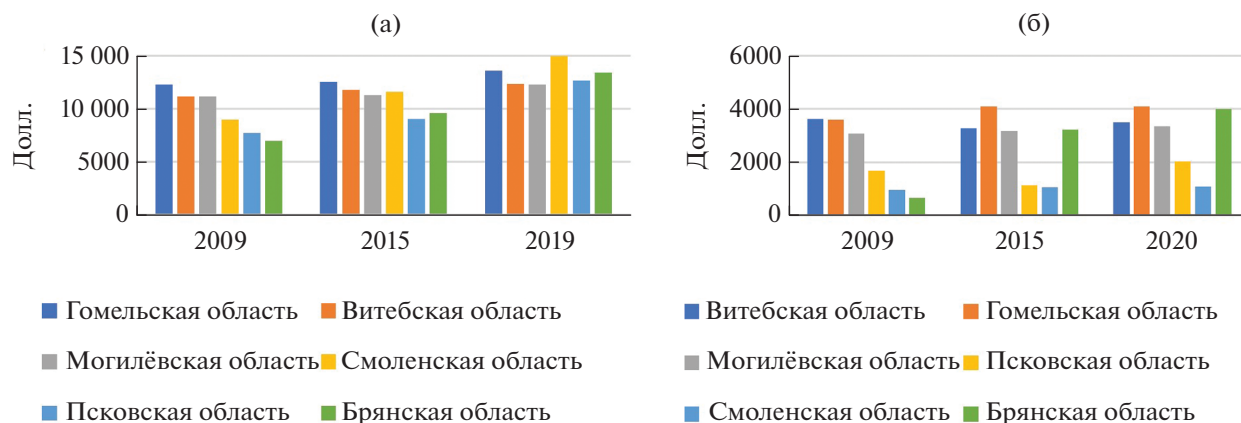

Рис. 3. Душевой ВРП по ППС в 2009–2019 гг. (а) и душевые денежные доходы по ППС в 2009–2020 гг. (б) в регионах российско-белорусского приграничья.

в крупнейшие российские холдинговые структуры, а также производство электрического оборудования. В Брянской области ведущую роль в промышленном производстве имеют производство пищевых продуктов (включая новые предприятия “Мираторга”) и машиностроение. Специализацией Могилёвской области являются пищевая промышленность, производство резиновых изделий и других химических продуктов, а также машин и оборудования. Промышленная специализация Гомельской области по-прежнему связана с нефтепереработкой, металлургией и машиностроением.

Совпадение ряда отраслей специализации в регионах приграничья не приводит к формированию производственно-сырьевых связей. Белорусский пищевой комплекс имеет замкнутый характер с точки зрения контактов производителей сырья и его переработчиков, по сути регулируемых со стороны государства. С российской стороны есть локальные примеры разрыва прежних сырьевых связей из-за неконкурентоспособности прежних производств. Например, предприятие пищевой промышленности в г. Рудне (Смоленская область), ранее занимавшееся переработкой сухого молока из Беларуси, переориентировалось на производство овощных консервов, сырье для которых поступает из стран Южной Америки.

Во-вторых, приграничье — это “буферная зона”, которая используется экономическими агентами для проникновения на смежные потребительские рынки, получения ренты от разной стоимости факторов производства и различиях в регулировании, развития кооперационных связей.

Как показали интервью с представителями бизнеса, в российском приграничье, особенно в Смоленской области, открыто множество торговых домов и представительств предприятий Беларуси, через которые реализуется их продукция и организуется сервисное обслуживание на территории России.

Новая производственная кооперация в приграничье носит единичный характер и скорее является еще одним способом проникновения на соседние рынки. Среди крупных СП можно назвать только Брянсксельмаш, Амкор-Брянск, Смолсельмаш — предприятия, осуществляющие российскую сборку дорожной и сельскохозяйственной техники из белорусских компонентов.

Игорный бизнес хорошо иллюстрирует использование “пограничной ренты”, связанной с различиями в законодательном регулировании разных видов деятельности. Казино, построенные вдоль федеральной автодороги М1 “Беларусь”, не только привлекают большое число клиентов из Смоленской области и даже Москвы, но и являются крупнейшими налогоплательщиками Дубровенского и Оршанского районов Витебской области.

В зависимости от условий ведения бизнеса и степени административного вмешательства со стороны государства, в каждой из стран в приграничье наблюдается взаимный переток бизнеса. В последние годы этот переток имеет односторонний вектор — белорусские предприятия предпочитают российскую юрисдикцию для развития бизнеса. Наши исследования в Руднянском районе Смоленской области (2022) это подтвердили — значительная доля успешных предприятий района имеет белорусские “корни”. Это, прежде всего, строительство (в том числе дорожное строительство), автоперевозки и розничная торговля (продукты питания, одежда и обувь, косметика и др.).

Некоторые предприятия пытаются использовать сразу все возможности приграничья как буферной зоны. Так, одно из новых промышленных предприятий Витебска, основанное смоленским предпринимателем, получает преференции от резидентства в СЭЗ “Витебск” и одновременно использует Смоленскую область как плацдарм для проникновения на российский рынок.

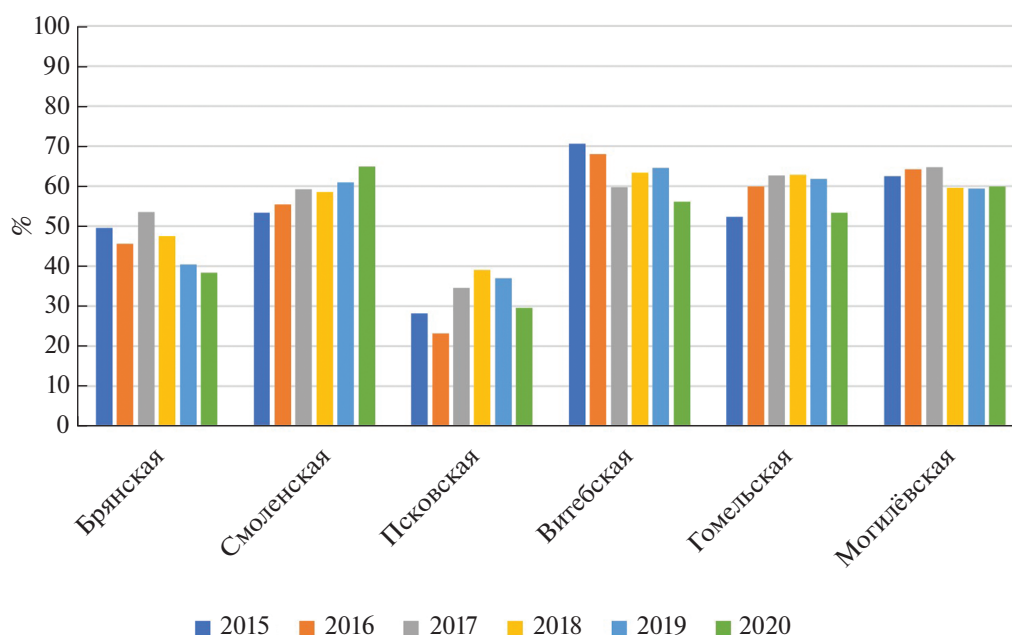

Рис. 4. Доля внешней торговли с соседним государством в общем объеме внешней торговли регионов российско-белорусского приграничья в 2015–2020 гг., %.

“Витебская СЭЗ дает нам возможность сильно экономить на налогах. Кроме того, в Беларуси лучше сохранился промышленный потенциал — есть с кем кооперироваться. Но сбыт у нас в России, поэтому в Рудне Смоленской области у нас формально есть завод, где мы ввинчиваем последние болтики на готовую продукцию, чтобы иметь доступ к системе российских госзакупок. Там работает у нас всего три человека, но это один из крупнейших налогоплательщиков Руднянского района”.

Владелец предприятий в г. Витебске (Беларусь) и г. Рудне (Смоленская область, Россия), резидент СЭЗ “Витебск”

Таким образом, буферная функция пограничья является одним из важных факторов экономической регионализации.

В-третьих, российско-белорусское пограничье характеризуется высокой торговой связностью — роль соседней страны во внешней торговле заметна для всех регионов пограничья (рис. 4), хотя присутствуют и асимметрия (доля с белорусской стороны существенно выше), и разные типы динамики. В 2013–2014 гг. ряду авторов удалось провести анализ торговых связей пар приграничных областей и выделить Верхне-Днепровский и Брянско-Гомельский ТГР, которые рассматривались как результат экономической регионализации (Анисимов, Баринов и др., 2013; Вардомский и др., 2014). Однако, исчезновение после 2015 г. таможенной статистики на уровне пар регионов не позволяет повторить этот опыт. Тем не менее, имеющиеся данные показывают, что экспортно-

импортные операции для большинства регионов вносят существенный вклад в ВРП. На фоне незначительных показателей Псковской и Брянской областей по доле внешней торговли с соседом в ВРП (7–8%) ярко выделяются белорусские регионы, особенно Гомельская область (до 90%) (рис. 5). Примеры экспорта отдельных пищевых продуктов — одной из отраслей, где ярко представлена конкуренция между российскими и белорусскими производителями, в том числе в пограничье, — показывают, что для белорусских предприятий Россия часто выступает единственным экспортным направлением, несмотря на попытки диверсификации рынков сбыта.

Формирование более глубокого экономического базиса для трансграничной регионализации в пограничье России и Беларуси “буксует”, что определяется целым комплексом причин:

1. Невысокий экономический потенциал значительной части территории, особенно большинства районов, непосредственно примыкающих к границе. Основной экономический потенциал, как правило, сконцентрирован в городах, а в российско-белорусском пограничье только один город (Гомель) относится к категории крупнейших.

2. Сравнительно низкая (в сравнении, например, с другими регионами ЦФО) платежеспособность населения, препятствующая развитию третичного сектора.

3. Отсутствие желания/возможности лоббировать данную тематику региональными властями на высшем уровне. Наши экспертные интервью

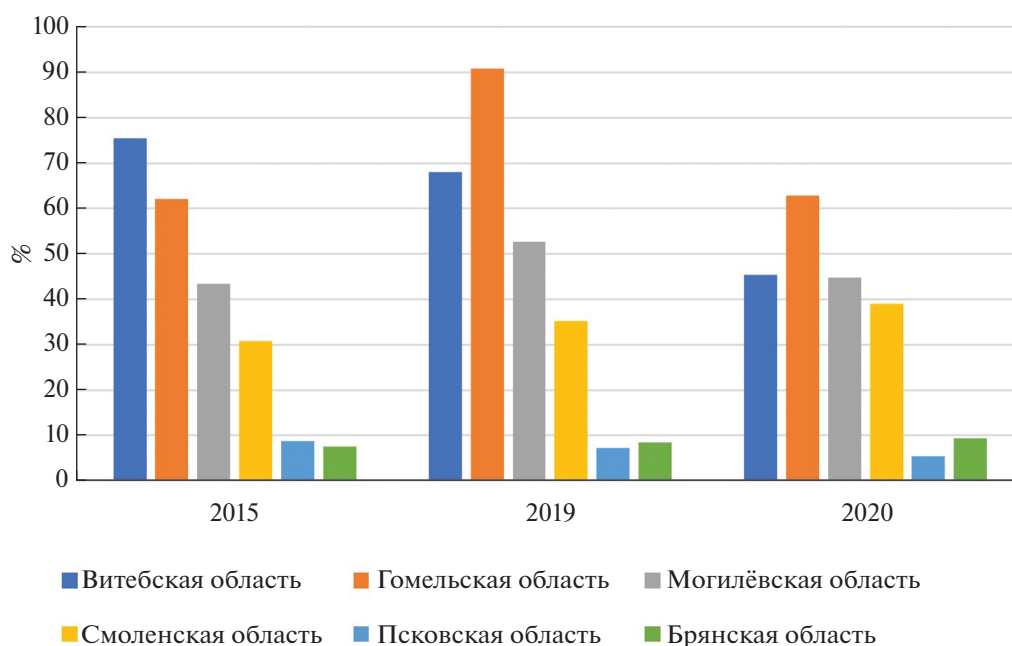

Рис. 5. Доля внешней торговли с соседним государством в ВРП регионов российско-белорусского приграничья в 2015, 2019–2020 гг., %.

показывают, что отдельного интереса к развитию экономической кооперации, локализованной именно в пограничье, а не в целом между странами, не наблюдается среди представителей исполнительной власти областей.

4. Различия в экономических моделях (роль государства в экономике, разные подходы к выстраиванию отношений по линии “власть–бизнес” и др.).

5. Сохраняющиеся институциональные и фактические барьеры входа на рынок. Проведенные нами интервью показывают, что случаи применения протекционистских мер все еще довольно часто встречаются в пограничье.

6. Отсутствие явных, артикулируемых преимуществ у приграничных регионов как в Союзном государстве, так и в ЕАЭС.

Кроме того, проведенные интервью демонстрируют, что выбор международных партнеров для сотрудничества в сфере экономики определяется экономической выгодой, а она зачастую локализуется за пределами пограничья. Крупнейшие промышленные предприятия, основа региональных экономик, не имеют устойчивых трансграничных связей. Периферизация же большей части российско-белорусского пограничья ведет к тому, что там, где связи были бы естественны, т.е. обусловлены экономико-географическим положением, сотрудничать часто уже некому. Наши предыдущие исследования доказывают, что экономические контакты между городами пограничья часто замкнуты внутри своих областей и зависят

от их положения на оси центр–периферия больше, чем от близости к границе. Однако, вероятно, экономическая связность в пограничье будет нарастать с учетом геополитических реалий: тенденция к импортозамещению, связанная в том числе и с санкционным давлением, будет стимулировать экономических агентов к сотрудничеству. В период после 2014 г. подобные тренды уже наблюдались. Например, белорусские производители во многом занялись “российским импортозамещением” после введения Россией продовольственного эмбарго в отношении ряда западных стран (Morachevskaya et al., 2018).

Повседневные практики населения. Трансграничные перемещения жителей пограничья создают ткань приграничного сотрудничества, которая зачастую невидима для исследователя. Как и на других участках границ, основными целями поездок местного населения на современном этапе является поиск экономической выгоды (работа, покупка товаров и услуг, приграничная торговля и другие формы извлечения “приграничной ренты”), туризм и отдых, а также посещение родственников.

Свобода передвижения, равные возможности по регистрации, открытию бизнеса и устройству на работу и другие плоды интеграции в рамках СГ существенным образом преобразуют и усиливают практики. Так, нехватка кадров в школах, больницах и поликлиниках в российском пограничье часто покрывается за счет фронтальеров из Беларуси. В г. Рудне, например, отмечали, что многие

жители приграничных районов Витебской области на ежедневной основе ездят работать на промышленных предприятиях с белорусскими “корнями”, в сфере ЖКХ, дорожном строительстве, сельском хозяйстве и др., трудоустраиваясь наравне с россиянами по трудовому договору.

Аналогичные взаимовыгодные практики связаны и с получением образования. Лучше сохранившаяся в Беларуси система ПТУ чрезвычайно привлекательна для будущих рабочих и российских промышленных компаний. Медицинские вузы и колледжи Смоленска также сохраняют привлекательность для жителей белорусского пограничья.

Своего рода приграничную ренту используют и военные “пенсионеры”: фактически проживая в Беларуси, они предпочитают регистрироваться в российской части пограничья с целью получения более высоких, чем в своей стране, пенсий и пособий.

Взаимные поездки населения с потребительскими целями, особенно в период волатильности курсов национальных валют, по-прежнему, составляют важную часть трансграничных перемещений жителей. Для белорусских граждан большую ценность представляет более широкий выбор потребительских товаров, особенно долговременного пользования, а также более низкие цены на некоторые категории продовольственных товаров. Российских граждан привлекает более высокое качество и приемлемая цена белорусских продовольственных товаров, трикотажа и др.

Культурные и спортивные мероприятия также являются частью повседневной жизни в пограничье. Привычный характер такого рода событий, традиционных еще с советского времени, позволяет им легко попадать в областные планы “совместных мероприятий” по приграничному сотрудничеству, которыми затем отчитываются профильные министерства и ведомства. Несмотря на это, по свидетельству наших респондентов, большинство таких мероприятий держится на чистом энтузиазме и обычно не поддерживается системным образом. “Славянский базар”, организуемый с 1992 г. в Витебске, пожалуй, одно из немногих мероприятий, поддерживаемых белорусским правительством и бюджетом СГ. Тем не менее культурные и гуманитарные направления приграничного взаимодействия — единственные, которые так или иначе выделяются всеми акторами — от населения до администрации — и на всех уровнях — от локального до регионального.

Трансграничная регионализация: от дружбы к сотрудничеству?

Институты приграничного сотрудничества между Россией и Беларусью остаются слабо развитыми, несмотря на декларируемое усиление интеграции. Одной из важнейших и старейших

площадок для обсуждения проблем приграничного сотрудничества был еврорегион “Днепр”, созданный в 2003 г. и включавший в себя российскую Брянскую, белорусскую Гомельскую и украинскую Черниговскую области. Организационная структура еврорегиона включала в себя специальный Совет, Президиум и Секретариат, а также три национальных координационных бюро и рабочие группы. До 2012–2013 гг. работа еврорегиона была сфокусирована на экологической тематике (включая радиационный мониторинг, исследования флоры и фауны, мониторинг состояния трансграничных вод и др.), проведении ряда международных фестивалей (“Дружба”, “Славянские театральные встречи” и др.). Как и в случае многих других еврорегионов в Восточной Европе, “Днепр” не смог опереться ни на скудные региональные и местные бюджеты, ни на ресурсы Европейского союза, поэтому более амбициозные планы (совместное пространственное планирование, инвестиции в инфраструктуру пограничья и др.) изначально не имели шансов на успех. С 2014 г. сотрудничество в рамках данного института было фактически остановлено.

Среди других институциональных площадок, которые периодически используются для обсуждения проблем приграничных регионов, можно назвать Форум регионов Беларуси и России и Оршанский международный экономический форум. Первый был организован в 2012 г. под патронажем В.И. Матвиенко и А.Г. Лукашенко с целью расширения прямых контактов между регионами, бизнесменами и организациями двух стран, что должно было способствовать ускоренному развитию экономик Беларуси и России. Несмотря на свое название и попытки приграничных регионов поднять вопросы активизации приграничного сотрудничества, форум фактически не имеет пространственного измерения, а его тематическое наполнение строится в основном по отраслевому принципу. Второй форум в большей степени ориентирован на развитие международных экономических связей, однако в повестке поднимаются в том числе и вопросы приграничного сотрудничества.

Экспертные интервью и анкетирование ряда сотрудников профильных департаментов и министерств показали, что направления взаимодействия с соседним государством хорошо прослеживаются, а конкретные результаты сотрудничества почти всегда назвать затруднительно. Большинство сфер, по которым идет сотрудничество, оценивались экспертами по значимости как “средние” или “выше среднего”. В то же время более 50% опрошенных на вопрос “Перечислите несколько наиболее успешных примеров трансграничного сотрудничества” ответили, что “таковых не имеется”.

Наиболее плотное взаимодействие между властями, бизнесом и некоммерческими организациями выстраивается по вопросам развития туризма, агропромышленного производства, развития рынков труда, промышленности, а также в сфере культуры, науки и образования. Среди успешных проектов приграничного сотрудничества авторы называли “Смолсельмаш” и “Белорусскую косметику” (как пример торговой и производственной кооперации), проведение различных молодежных форумов (в г. Костюковичи), сотрудничество по очистке сточных вод и др. Согласно данным анкетирования, эксперты склонны полагать, что текущая тематика сотрудничества с добавлением вопросов развития транспорта и коммуникаций останется актуальной и на дальнюю перспективу.

В ходе интервью большая часть экспертов сетовала на отсутствие системной поддержки приграничного сотрудничества со стороны национальных и наднациональных властей. Лидеры русской общины в Витебске и белорусской общины в Смоленске указывали, что их работа почти целиком держится на энтузиазме.

“Существуем от проекта до проекта. В основном с нами работают наши и белорусские активисты, для которых память об общем прошлом так же важна, как и для нас. На деньги Фонда Президентских грантов сделали атлас для туристов с маршрутами по местам боевой славы. Но это скорее исключение. Поддержки, конечно, не хватает”.

С.Р. Кривко, Председатель Национально-культурной автономии белорусов Смоленской области

Схожим образом работает АНО “Агентство интеграционных инициатив”, организованное при Торгово-промышленной палате Смоленской области. Основными источниками финансирования являются проекты от Фонда Президентских грантов, Фонда Горчакова, научные гранты РФФИ.

“В Белоруссии в этом отношении ситуация еще более сложная. У нас нет партнеров из НКО. Сотрудничает с отдельными людьми из университетов Витебска, Гомеля, Могилёва и Минска. Много партнеров из Белорусско-Российского университета в Могилёве. Однако, устойчивого партнерства почти нет. Работаем от проекта до проекта”.

А.С. Кузавко, директор Агентства интеграционных инициатив

Эксперты из Витебской области, имеющие опыт институционализированного сотрудничества в рамках программ соседства ЕС, обращали особое внимание на отсутствие общей стратегии, недостаток финансов и институциональной среды в российско-белорусском пограничье. В 2022 г. вместе с представителями Псковской области они поднимали эту проблему на Форуме регионов Беларуси и России в Гродно, пытались выйти

с инициативой о формировании такой программы на уровень СГ.

“К сожалению, российско-белорусское пограничье — это не пример сотрудничества, это пример дружбы. Мы дружим, но сотрудничества нет. Моя дочь помнит советское время, для нее сотрудничество с Россией, связи с ней — это ценность. Сын родился позже. Для него это уже не ценность. Вот школьники из наших стран сыграли в хоккей, сели в автобус, чтобы больше не увидеться никогда. А нужна системная работа, нужны общие цели, задачи и реальное изменение жизни людей.”

Мужчина, 55 лет, представитель Витебского облисполкома

Анкетирование экспертов также подтверждает данные интервью. Главными препятствиями для развития трансграничного сотрудничества видятся отсутствие инструментов финансирования программ сотрудничества (3.4 балла из 5), отсутствие стратегий развития трансграничного сотрудничества на межгосударственном и наднациональном уровнях (2.5 балла). Среди других важных препятствий эксперты называли нестабильность валютных курсов (2.9), низкий экономический потенциал приграничных территорий (2.7) и разные формы собственности в ключевых отраслях хозяйства регионов (2.4).

Интервьюирование и анкетирование также показали, что пандемия COVID-19 и связанное с ней закрытие границы продемонстрировали, насколько хрупким является сотрудничество поверх границ и как быстро развивается привычка жить без соседа. В результате постепенное старение советских поколений, хранящих память об общем прошлом, в условиях отсутствия специальных трансграничных институтов со временем может привести к деградации и даже прекращению сотрудничества.

ВЫВОДЫ

Несмотря на доминирующее представление, что ТР является продуктом прежде всего региональных и местных акторов, современные исследования и подходы (многоуровневого управления, полискалярный подход и др.) показывают, что национальные и наднациональные акторы играют в этих процессах самую активную роль. Опыт исследований ТГР в Европейском союзе также доказывает, что “объективные” и особенно внутренние факторы ТР порой сильно переоценены, а основная часть еврорегионов на внутренних и внешних границах ЕС является результатом дискурсивного конструирования с применением методов программно-проектного подхода. Среди других внешних факторов регионализации большую роль играет принадлежность к общему пространству безопасности, удаленность от районов

этнических и военных конфликтов, участие в проектах региональной интеграции.

Интеграционные процессы выступили естественным консервантом, позволившим, в отличие от других участков постсоветских границ, не допустить слишком сильной дивергенции регионов российско-белорусского пограничья в социально-экономическом и социокультурном отношении. В то же время это не способствовало и заметной конвергенции в пограничье. Различия в государственном устройстве и экономической модели способствуют сохранению, а иногда и углублению социально-экономических градиентов, нарастанию различий в условиях ведения бизнеса и др. Благодаря неизбежно возникающим противоречиям и сложному сочетанию процессов конвергенции и дивергенции, создаются предпосылки для формирования “приграничной ренты”, а в некоторых областях и комплементарности региональных экономик и рынков труда. Исследование показало, что пограничье стало своего рода “буферной зоной” как для получения “приграничной ренты” от различий в условиях регулирования, градиентов в ценах на товары, услуги и факторы производства, так и для “освоения” рынков друг друга. На это нацелена и большая часть проектов производственной кооперации, а также ряд более сложных стратегий, приводящих к формированию сложно структурированного трансграничного бизнеса.

Последние работы российских и белорусских исследователей показывают, что сочетание пограничности, межстоличности и транзитности выступает одним из важнейших факторов ТР, которая со временем может привести к формированию трансграничных регионов. Однако периферизация как еще одно следствие этих процессов подрывает потенциал трансграничных взаимодействий, что особенно сильно заметно на российской стороне. Депопуляция приграничных районов, сокращение числа маршрутов автобусов и пригородных электричек, отмена стыковочных рейсов, существенно снижает возможности для коммуникаций в пограничье. При этом рост связности и доступности двух столиц и крупнейших городов пограничья сопровождается снижением связности и доступности районных центров и более мелких населенных пунктов, расположенных недалеко друг от друга.

Российско-белорусское пограничье — пример постсоветского типа сотрудничества, в котором практически отсутствуют институты, финансовая и организационная поддержка региональных и местных инициатив трансграничных взаимодействий. В этих условиях акторы сотрудничества пользуются “случайными” грантами, не формируют постоянно действующих сетей, а само взаимодействие остается невидимым для региональ-

ных и тем более национальных властей. Многочисленные контакты в рамках “повседневной жизни” обычных людей пока еще создают сравнительно прочную ткань сотрудничества, однако уход советских поколений и продолжающаяся периферизация пограничья со временем может привести к деградации трансграничных взаимодействий.

Слабая институциональная база и недостаток финансовой поддержки сотрудничества воспринимаются как серьезная проблема всеми экспертами, но особенно теми, кто имеет опыт реализации программ соседства на границе с ЕС. Наибольший потенциал видится ими в совместном развитии транспорта и коммуникаций, туризма, сотрудничества в сфере сельского хозяйства, промышленности и др., а сами эти приоритеты во многом аналогичны тем, которые выдвигают участники сотрудничества на границах со странами ЕС. Можно предположить, что ряд областей российско-белорусского пограничья, имеющих большой опыт участия в европейских программах приграничного сотрудничества (например, Псковская и Витебская области) могли бы стать полигоном для апробирования таких программ, разработанных в рамках СГ. Подобные инициативы, как показывают проведенные нами интервью, уже выдвигаются региональными органами исполнительной власти.

Институционализация сотрудничества и применение программно-проектного подхода позволили бы не только согласовать общие для всех уровней управления приоритеты сотрудничества, сформировать общий для участников сотрудничества бюджет, но и обеспечить относительную “свободу действий” в сфере приграничного сотрудничества, а также преодолеть различия в уровне деволюции полномочий. Четко определенные на уровне СГ допустимые рамки сотрудничества позволят сделать взаимодействие на уровне местных и региональных властей более устойчивым в период мировой экономической и политической турбулентности.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Исследование выполняется в Институте географии РАН в рамках проекта РНФ № 22-27-00661 (“Оценка потенциала регионализации на внутренних и внешних границах ЕАЭС”).

FUNDING

The study is being carried out at the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences within the framework of the RSF project no. 22-27-00661 (“Assessment of the Regionalization Potential on the Internal and External Borders of the EAEU”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимов А.М., Баринев С.Л., Вардомский Л.Б. и др. Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины: состояние и перспективы // Евразийская экономическая интеграция. 2013. № 4 (21). С. 77–96.
- Антипова Е.А., Катровский А.П. Межстоличье как особое состояние и фактор развития российско-белорусского приграничья: постановка проблемы // Актуальные проблемы теории и практики управления. 2019. С. 25–31.
- Арбатова Н.К. Будущее европейской интеграции в контексте внутренних и внешних кризисов // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 10. С. 57–65.
- Бакланов П.Я. Структурные особенности и потенциал развития приграничных и трансграничных районов: теоретические аспекты // Региональные исследования. 2018. № 3 (61). С. 19–24.
- Бусыгина И.М., Филиппов М.Г. “Северное измерение”: стратегии участников // Балтийский регион. 2009. № 1. С. 55–63.
<https://doi.org/10.5922/2074-9848-2009-1-5>
- Вардомский Л.Б., Кузавко А.С. Особенности формирования потребительского рынка белорусско-российского приграничья // Экономический журн. 2018. № 6 (25). С. 6–25.
- Вардомский Л.Б., Лобанов М.М., Пылин А.Г. Вопросы регионализации белорусско-российско-украинского приграничья // Регионализация внешнеэкономических связей в России и соседних странах: сборник / отв. ред. Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин. М.: ИЭ РАН, 2014. С. 148–159.
- Волыничук А.Б. Трансграничный регион: теоретические основы геополитического исследования // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 4. С. 49–55.
- Воронов В.В. Конвергенция регионов Европейского союза: особенности и оценка // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 6 (36). С. 85–99.
- Головных Г.Я. Российско-белорусское приграничье в контексте территориальной интеграции // Вестн. РГНФ. 2002. № 1. С. 181–186.
- Голомидова Е.С. Трансграничный туристско-рекреационный регион мезоуровня “Южнопсковско-Витебский”: специфика формирования и перспективы развития // Псковский регионалогический журн. 2019. № 4 (40). С. 96–105.
- Земляк С.В., Лапишова О.А., Шеломенцева М.В. Структуризация и сегментация пространства российско-белорусского приграничья // Экономика. Налоги. Право. 2015. № 6. С. 78–86.
- Зотова М.В., Гриценко А.А., Себенцов А.Б. Повседневная жизнь в российском пограничье: мотивы и факторы трансграничных практик // Мир России. Социология. Этнология. 2018. № 4. С. 56–77.
<https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-4-56-77>
- Катровский А.П. Смоленское приграничье: от депрессии к стагнации к устойчивому развитию // Региональные исследования. 2010. № 4. С. 70–75.
- Катровский А.П. Эволюция транспортной сети российско-белорусского приграничья: опыт историко-географического исследования // Вестн. Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. 2022. № 2. С. 5–29.
- Катровский А.П., Нижникова А.К. Российско-белорусское приграничье как межстоличный регион // Наука. Инновации. Технологии. 2021. № 1. С. 65–88.
- Ковалев Ю.П. Туристско-рекреационный потенциал и развитие туризма в российско-белорусском пограничье // Региональные исследования. 2011. № 4. С. 133–143.
- Колосов В.А., Себенцов А.Б. Процессы регионализации на Севере Европы и программа “Северное измерение” в отражении российского политического дискурса // Балтийский регион. 2019. № 4. С. 76–92.
<https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-4-5>
- Колосов В.А., Зотова М.В., Себенцов А.Б. Барьерная функция российских границ // Изв. РАН. Сер. геогр. 2016. № 5. С. 8–20.
<https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-5-8-20>
- Кондратьева Н.Б. Россия – ЕС: трансграничное сотрудничество вне конъюнктуры // Современная Европа. 2014. № 4 (60). С. 33–47.
<https://doi.org/10.15211/soveurope420143347>
- Кузавко А.С. Экономический рост и структурные отраслевые сдвиги в Днепро-Двинском регионе // Региональные исследования. 2020. № 4. С. 46–57.
- Кузавко А.С., Катровский А.П., Ридевский Г.В. Эволюция потребительского рынка Днепро-Двинского региона. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2019. 160 с.
- Лаврова Е.В. Российско-белорусское приграничье: проблемы и перспективы социально-экономического развития // Научный вестн. Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Экономика. 2016. № 4. С. 95–98.
- Мажар Л.Ю. Ключевые факторы формирования трансграничных туристско-рекреационных систем в российско-белорусском приграничье // Российско-белорусское приграничье: проблемы и перспективы развития. Смоленск: Универсум, 2016. С. 21–29.
- Макарычев А.С. Суверенитет, власть и политическая субъектность: две линии критической теории // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. № 4. С. 22–52.
- Мержвинский Л.М. Трансграничные охраняемые территории и водно-болотные угодья – основа экологической сети Белорусского Поозерья // Ежегодник Полоцкого музея / под ред. Т.А. Джумантаева, И.П. Воднева, С.В. Николаева. Полоцк: НПКМЗ, 2012. 468 с.
- Морачевская К.А., Карпенко М.С. Влияние евразийской интеграции на экономическое взаимодействие в российско-белорусском и российско-казахстанском приграничье // Региональные исследования. 2018. № 3. С. 92–100.
- Пирожник И.И., Власов Б.П., Шипек Т. Тенденции развития трансграничной экологической сети и природный потенциал особо охраняемых территорий белорусского поозерья // Стратегия развития при-

- граничных территорий: традиции и инновации. 2018. С. 61–74.
- Реут О.Ч. Институциональный аспект российско-финляндского приграничного сотрудничества в 1990–2000-х гг.: опыт концептуализации // Грани сотрудничества: Россия и Северная Европа. 2012. С. 365–375.
- Российско-белорусское приграничье: вызовы межстоличного положения: монография / под ред. А.П. Катровского и Т.И. Яськовой. Смоленск: Изд-во Смоленского гос. ун-та, 2022. 312 с.
- Российское пограничье: вызовы соседства / под ред. В.А. Колосова. М.: ИП Матушкина И.И., 2018. 562 с.
- Себенцов А.Б. Институциональное измерение приграничного сотрудничества в российском пограничье // Региональные исследования. 2018. № 3. С. 66–76.
- Сергунин А.А. Внешние факторы регионализации России // Политическая наука. 2003. № 3. С. 121–141.
- Суздальцев А. Сменит ли Евразийский экономический союз Союзное государство // РСМД. 13 июля 2012 г. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/smenit-li-evraziyskiy-ekonomicheskii-soyuz-soyuznoe-gosudarstvo/>
- Трансграничный регион: понятие, сущность, форма: монография / науч. ред. П.Я. Бакланов, М.Ю. Шинковский. Владивосток: Дальнаука, 2010. 276 с.
- Федоров Г.М., Корнеевец В.С. Трансграничные регионы в иерархической системе регионов: системный подход // Балтийский регион. 2009. № 2. С. 32–41.
- Часовский В.И. Трансграничное экономическое сотрудничество российских и белорусских регионов // Псковский регионологический журн. 2014. № 17. С. 108–117.
- Шлямин В.А. Россия в “Северном измерении”. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2002. 188 с.
- Шурубович А.В. Союзное государство и актуальные проблемы российско-белорусской интеграции // Проблемы постсоветского пространства. 2019. № 3. С. 244–258.
- Щербакова С.А. Формирование трансграничного туристского кластера в российско-белорусском приграничье // Туризм и региональное развитие. Сб. науч. статей. 2017. № 10. С. 240–244.
- Яровой Г.О. Трансграничное сотрудничество России и Евросоюза между (де-) секьюритизацией и парадипломатией: в поисках новых подходов к cross-border governance // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Политология. Международные отношения. 2021. № 2. С. 156–181. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.203>
- Яськова Т.И. Межстоличное положение как вызов социально-экономическому развитию российско-белорусского приграничья // Региональные исследования. 2021. № 2. С. 74–85.
- Benedek J., Moldovan A. Economic convergence and polarization: towards a multi-dimensional approach // Hungarian Geographical Bull. 2015. Vol. 64. P. 187–203. <https://doi.org/10.15201/hungeobull.64.3.3>
- Blatter J. Beyond Hierarchies and Networks: Institutional Logics and Change in Transboundary Spaces // Governance. 2003. Vol. 16 (4). P. 503–526.
- Cartone A., Postiglione P., Hewings G.J.D. Does economic convergence hold? A spatial quantile analysis on European regions // Economic Modelling. 2021. Vol. 95. P. 408–417.
- Fawcett L. The origins and development of regional ideas in the Americas // Regionalism and Governance in the Americas / M. Palgrave (Ed.). London, 2005. P. 27–51. https://doi.org/10.1057/9780230523029_2
- Hettne B. Beyond the “new” regionalism / Key debates in new political economy. Routledge, 2006. P. 136–168. <https://doi.org/10.1080/13563460500344484>
- Hooghe L., Marks G. Multi-level governance and European integration. Rowman & Littlefield, 2001. 279 p.
- Jessop B. The Political Economy of Scale and the Construction of Cross-Border Micro-Regions / Theories of New Regionalism / F. Söderbaumand, T. Shaw, M. Palgrave (Eds.). 2003. P. 179–196.
- Kolosov V., Morachevskaya K. The role of an open border in the development of peripheral border regions: The case of Russian-Belarusian borderland // J. Borderlands Studies. 2022. Vol. 37 (3). P. 533–550. <https://doi.org/10.1080/08865655.2020.1806095>
- Laine J. Shifting borders: unpredictability and strategic distrust at the Finnish–Russian Border // Neighbourhood Perceptions of the Ukraine Crisis. Routledge, 2016. P. 103–117.
- Lipshitz G. Divergence versus convergence in regional development // J. Planning Literature. 1992. Vol. 7 (2). P. 123–138.
- Morachevskaya K., Shavel A., Zinovyev A. Structural Shifts in the Foreign Trade of Border Regions of Russia and Belarus in the Context of Political and Economic Challenges of the 2010s // Reg. Res. of Rus. 2018. Vol. 8 (3). P. 269–280. <https://doi.org/10.1134/S2079970518030061>
- Paasi A. Boundaries as social practice and discourse: the Finnish-Russian border // Reg. Studies. 1999. Vol. 33 (7). P. 669–680.
- Perkmann M. Cross-border regions in Europe: significance and drivers of regional cross-border cooperation // European Urban & Regional Studies. 2003. Vol. 10 (2). P. 153–171.
- Perkmann M. Policy entrepreneurship and multilevel governance: a comparative study of European cross-border regions // Environment and Planning C: Government and Policy. 2007. Vol. 25 (6). P. 861–879.
- Popescu G. Bordering and ordering the twenty-first century: Understanding borders. Rowman & Littlefield Publishers, 2011. 192 p.
- Schmitt-Egner P. The concept of “region”: Theoretical and methodological notes on its reconstruction // J. of European integration. 2002. Vol. 24 (3). P. 179–200.
- Scott J.W. Border Regions // The Wiley Blackwell Encyclopedia of Urban and Regional Studies. 2019. P. 1–5.
- Sohn C. Modelling Cross-Border Integration: The Role of Borders as a Resource // Geopolitics. 2014. Vol. 19 (3). P. 587–608. <https://doi.org/10.1080/14650045.2014.913029>
- Sohn C. Cross-border regions // Handbook on the geographies of regions and territories. Edward Elgar Publ., 2018. P. 298–310.

Russia–Belarus Borderland: Contradictions of Integration and Cross-Border Regionalization. From Friendship to Cooperation?

A. B. Sebentsov^{1, *}, K. A. Morachevskaya^{1, 2, **}, and M. S. Karpenko^{1, ***}

¹*Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

²*St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia*

*e-mail: asebentsov@igras.ru

**e-mail: k.morachevskaya@spbu.ru

***e-mail: kms@igras.ru

Cross-border regionalization (CBR) is a process and, at the same time, a result of the cross-border interactions development leading to the emergence of cross-border regions. Rethinking the European experience and the postulates of the Soviet school of economic geography, researchers of the CBR are trying to understand the principles of building cross-border regions along the new and the old borders of Russia. However, many fundamental questions remain open. What impact do interstate integration initiatives have on CBR? What makes a more significant contribution to regionalization: the institutionalization of cross-border interactions, good neighborhood relations, or the presence of functional ties between neighbors? The aim of the paper is to contribute to this discussion using the case of the Russian-Belarusian borderland, which is characterized by a low barrier function as well as cultural and historical closeness. The conceptual basis is the understanding of CBR as a process determined by both internal (often “objective”) and external (“subjective”) factors, which makes it possible to reconcile “objectivist” and “constructivist” research approaches. The paper is based on the analysis of official statistical information, the results of many years of field research, including expert interviews as well as expert questioning. The study showed that integration processes slow down the divergence of the regions of the Russian-Belarusian borderland in socio-economic terms, but do not lead to noticeable convergence. The combination of these processes, on the one hand, undermines the potential of the CBR, and on the other hand, creates the preconditions for the formation of “border rent”, the complementarity of labor markets, and the function of a “buffer zone” by the borderland. Along with transit location and location between capitals, CBR is affected by peripherization, which goes hand in hand with the destruction of the cross-border transport connectivity of the territory. The everyday practices of the local residents still create a relatively strong cooperation network, but leaving of the Soviet generations and the ongoing depopulation of the borderland may eventually lead to the degradation of cross-border interactions. It was revealed that the lack of institutionalization and financial support for cooperation is perceived by experts as a serious limiting factor, especially those that have experience in implementing neighborhood programs on the borders with the EU.

Keywords: cross-border regionalization, cross-border regions, cross-border cooperation, Dnieper–Dvina region, Russian-Belarusian borderland, Eurasian integration, Union State, peripheralization, institutionalization

REFERENCES

- Anisimov A.M., Barinov S.L., Vardomsky L.B., et al. Trans-border cooperation in the regions of Russia, Belarus and Ukraine: its status and future outlook. *Evrash. Ekon. Integrats.*, 2013, vol. 21, no. 4, pp. 77–96. (In Russ.).
- Antipova E.A., Katrovskiy A.P. Intercapital as a special state and factor in the development of the Russian-Belarusian border area: problem statement. *Akt. Probl. Teor. Prakt. Upravl.*, 2019, pp. 25–31. (In Russ.).
- Arbatova N.K. The future of European integration in the context of internal and external crises. *Mir. Econ. Mezhd. Otnoshen.*, 2017, no. 10, pp. 57–65. (In Russ.).
- Baklanov P.Ya. Structural features and potential of border and transboundary areas development: theoretical aspects. *Reg. Issled.*, 2018, vol. 61, no. 3, pp. 19–24. (In Russ.).
- Benedek J., Moldovan A. Economic convergence and polarization: towards a multi-dimensional approach. *Hung. Geogr. Bull.*, 2015, no. 64, pp. 187–203. <https://doi.org/10.15201/hungeobull.64.3.3>
- Blatter J. Beyond Hierarchies and Networks: Institutional Logics and Change in Transboundary Spaces. *Governance*, 2003, vol. 16, no. 4, pp. 503–526.
- Busygina I.M., Filippov M.G. “Northern Dimension”: Strategies of Participants. *Baltic Reg.*, 2009, no. 1, pp. 55–63. (In Russ.). <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2009-1-5>
- Cartone A., Postiglione P., Hewings G.J.D. Does economic convergence hold? A spatial quantile analysis on European regions. *Econ. Model.*, 2021, no. 95, pp. 408–417.
- Chasovskii V.I. Cross-border economic cooperation between Russian and Belarusian regions. *Pskov. Regionolog. Zh.*, 2014, no. 17, pp. 108–117. (In Russ.).
- Fawcett L. The origins and development of regional ideas in the Americas. In *Regionalism and Governance in the Americas*. Palgrave M., Ed. London, 2005, pp. 27–51. https://doi.org/10.1057/9780230523029_2
- Fedorov G., Korneevets S. Trans-border regions in the system of the regional hierarchy: the systemic approach. *Baltic Reg.*, 2009, no. 2. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2009-2-3>

- Golomidova E.S. Cross-border tourist and recreational region of the mesolevel "South-Pskov-Vitebsk": the specifics of formation and development prospects. *Pskov. Regionolog. Zh.*, 2019, vol. 40, no. 4, pp. 96–105. (In Russ.).
- Golovnykh G.Ya. Russian-Belarusian border area in the context of territorial integration. *Vestn. RGNF*, 2002, no. 1, pp. 181–186. (In Russ.).
- Hettne B. Beyond the "new" regionalism. In *Key debates in new political economy*. Routledge, 2006, pp. 136–168. <https://doi.org/10.1080/13563460500344484>
- Hooghe L., Marks G. *Multi-level governance and European integration*. Rowman & Littlefield, 2001. 279 p.
- Jessop B. The Political Economy of Scale and the Construction of Cross-Border Micro-Regions. In *Theories of New Regionalism*. Söderbaumand F., Shaw T., Palgrave M., Eds. 2003, pp. 179–196.
- Katrovskiy A.P. Smolensk border area: from depression and stagnation to sustainable development. *Reg. Issled.*, 2010, no. 4, pp. 70–75. (In Russ.).
- Katrovskiy A.P., Nizhnikova A.K. Russian-Belarusian border area as an inter-capital region. *Nauka. Innovats. Tehnolog.*, 2021, no. 1, pp. 65–88. (In Russ.).
- Katrovskiy A.P. Evolution of the transport network of the Russian-Belarusian border area: the experience of historical and geographical research. *Vestn. Balt. Fed. Univ. Kanta., Ser.: Estestv. Med. Nauki*, 2022, no. 2, pp. 5–29. (In Russ.).
- KolosoV V.A., Sebentsov A.B. Regionalization processes in the North of Europe and the program "Northern Dimension" in the reflection of Russian political discourse. *Baltic Reg.*, 2019, vol. 11, no. 4, pp. 76–92. <https://doi.org/10.5922/2078-8555-2019-4-5>
- KolosoV V., Morachevskaya K. The role of an open border in the development of peripheral border regions: The case of Russian-Belarusian borderland. *J. Borderl. Stud.*, 2022, vol. 37, no. 3, pp. 533–550. <https://doi.org/10.1080/08865655.2020.1806095>
- KolosoV V.A., Zotova M.V., Sebentsov A.B. The barrier function of Russia's borders. *Reg. Res. Russ.*, 2016, no. 6, 387–397. <https://doi.org/10.1134/S2079970516040092>
- Kondratieva N.B. Russia – EU: cross-border cooperation outside the conjuncture. *Sovremen. Evropa*, 2014, vol. 60, no. 4, pp. 33–47. (In Russ.). <https://doi.org/10.15211/soveurope420143347>
- Kovalev Yu.P. Tourist and recreational potential and development of tourism in the Russian-Belarusian border. *Reg. Issled.*, 2011, no. 4, pp. 133–143. (In Russ.).
- Kuzavko A.S. Economic growth and structural sectoral shifts in the Dnieper-Dvina region. *Reg. Issled.*, 2020, no. 4, pp. 46–57. (In Russ.).
- Kuzavko A.S., Katrovskiy A.P., Ridevskii G.V. *Evolutsiya potrebitel'skogo rynka Dnepro-Dvinskogo regiona* [Evolution of the Consumer Market in the Dnieper-Dvina Region]. Smolensk: SmolGU Publ., 2019. 160 p.
- Laine J. Shifting borders: unpredictability and strategic distrust at the Finnish–Russian Border. In *Neighbourhood Perceptions of the Ukraine Crisis*. Routledge, 2016, pp. 103–117.
- Lavrova E.V. Russian-Belarusian border area: problems and prospects for socio-economic development. *Nauch. Vestn. Volgograd. Fil. RANKhiGS., Ser.: Ekon.*, 2016, no. 4, pp. 95–98. (In Russ.).
- Lipshitz G. Divergence versus convergence in regional development. *J. Plan. Lit.*, 1992, vol. 7, no. 2, pp. 123–138.
- Makarychev A.S. Sovereignty, Power and Political Subjectivity: Two Lines of Critical Theory. *Polit. Ekspertiza: POLITEX*, 2010, no. 4, pp. 22–52. (In Russ.).
- Mazhar L.Yu. Key factors in the formation of cross-border tourist and recreational systems in the Russian-Belarusian border area. In *Rossiisko-Beloruskoe prigranich'e: problemy i perspektivy razvitiya* [Russian-Belarusian Border Area: Problems and Development Prospects]. Smolensk: Universum Publ., 2016, pp. 21–29. (In Russ.).
- Merzhvinskii L.M. Transboundary protected areas and wetlands are the basis of the ecological network of the Belarusian Lakeland. In *Ezhegod. Polotsk. Muzeya* [Yearbook of the Polotsk Museum]. Dzhumantaeva T.A., Vodneva I.P., Nikolaeva S.V., Eds. Polotsk, NPKMZ Publ., 2012. 468 p.
- Morachevskaya K., Shavel A., Zinovyev A. Structural Shifts in the Foreign Trade of Border Regions of Russia and Belarus in the Context of Political and Economic Challenges of the 2010s. *Reg. Res. Russ.*, 2018, vol. 8, no. 3, pp. 269–280. <https://doi.org/10.1134/S2079970518030061>
- Morachevskaya K.A., Karpenko M.S. The impact of Eurasian integration on economic interaction in the Russian-Belarusian and Russian-Kazakhstan borderland. *Reg. Issled.*, 2018, no. 3, pp. 92–100. (In Russ.).
- Paasi A. Boundaries as social practice and discourse: the Finnish-Russian border. *Reg. Stud.*, 1999, vol. 33, no. 7, pp. 669–680.
- Perkmann M. Cross-border regions in Europe: significance and drivers of regional cross-border cooperation. *Eur. Urban Reg. Stud.*, 2003, vol. 10, no. 2, pp. 153–171.
- Perkmann M. Policy entrepreneurship and multilevel governance: a comparative study of European cross-border regions. *Environ. Plann. C Gov. Policy*, 2007, vol. 25, no. 6, pp. 861–879.
- Pirozhnik I.I., Vlasov B.P., Shchipek T. Trends in the development of the transboundary ecological network and the natural potential of specially protected areas of the Belarusian lake district. In *Strategiya razvitiya prigranichnykh territorii: traditsii i innovatsii* [Borderland Development Strategy: Traditions and Innovations], 2018, pp. 61–74. (In Russ.).
- Popescu G. *Bordering and ordering the twenty-first century: Understanding borders*. Rowman & Littlefield, 2011. 192 p.
- Reut O.Ch. Institutional aspect of Russian-Finnish cross-border cooperation in the 1990s–2000s: the experience of conceptualization. In *Grani sotrudnichestva: Rossiya i Severnaya Evropa* [Facets of Cooperation: Russia and Northern Europe], 2012, pp. 365–375. (In Russ.).
- Rossiisko-beloruskoe prigranich'e: vyzovy mezhsotlichnogo polozheniya [Russian-Belarusian Borderland: Challenges of the Location Between Capitals]. Katrovskiy A.P., Yas'kova T.I., Eds. Smolensk: Izd-vo Smolensk. Gos. Univ., 2022. 312 p.

- Rossiiskoe pogranich'e: vyzovy sosedstva* [Russian Borderlands: Neighborhood Challenges]. Kolosov V.A., Ed. Moscow: IP Matushkina I.I., 2018. 562 p.
- Schmitt-Egner P. The concept of "region": Theoretical and methodological notes on its reconstruction. *J. Eur. Integr.*, 2002, vol. 24, no. 3, pp. 179–200.
- Scott J.W. Border Regions. In *The Wiley Blackwell Encyclopedia of Urban and Regional Studies*, 2019, pp. 1–5.
- Sebentsov A.B. Institutional dimension of cross-border cooperation in the Russian borderland. *Reg. Issled.*, 2018, no. 3, pp. 66–76. (In Russ.).
- Sergunin A.A. External factors of regionalization in Russia. *Polit. Nauka*, 2003, no. 3, pp. 121–141. (In Russ.).
- Shcherbakova S.A. Formation of a cross-border tourist cluster in the Russian-Belarusian borderland. In *Turizm i regional'noe razvitiye* [Tourism and Regional Development]. 2017, no. 10, pp. 240–244. (In Russ.).
- Shlyamin V.A. *Rossiya v "Severnom izmerenii"* [Russia in "the Northern dimension"]. Petrozavodsk: Izd-vo Petrozavodsk. Gos. Univ., 2002. 188 p.
- Shurubovich A.V. The Union State and current problems of Russian-Belarusian integration. *Probl. Postsovet. Prostr.*, 2019, no. 3, pp. 244–258. (In Russ.).
- Sohn C. Modelling cross-border integration: The role of borders as a resource. *Geopolitics*, 2014, vol. 19, no. 3, pp. 587–608.
<https://doi.org/10.1080/14650045.2014.913029>
- Sohn C. Cross-border regions. In *Handbook on the geographies of regions and territories*. Edward Elgar Publ., 2018, pp. 298–310.
- Suzdal'tsev A. *Smenit li Evraziiskii ekonomicheskii soyuz Soyuznoe gosudarstvo* [Will the Eurasian Union Replace the Union State]. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/smenit-li-evraziyskiy-ekonomicheskii-soyuz-soyuznoe-gosudars/> (accessed: 10.11.2022). (In Russ.).
- Transgranichnyi region: ponyatie, sushchnost', forma* [Cross-Border Region: Concept, Essence, Form]. Baklanov P.Ya., Shinkovskii M.Yu., Eds. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 2010. 276 p.
- Vardomsky L.B., Kuzavko A.S. Features of the formation of the consumer market of the Belarusian-Russian border area. *Ekonom. Zh.*, 2018, vol. 25, no. 6, pp. 6–25. (In Russ.).
- Vardomsky L.B., Lobanov M.M., Pylin A.G. Issues of regionalization of the Belarusian-Russian-Ukrainian borderland. In *Regionalizatsiya vneshneekonomicheskikh svyazey v Rossii i sosednikh stranakh. Sb.* [Regionalization of Foreign Economic Relations in Russia and Neighboring Countries. Collection of Articles]. Moscow: IE RAN, 2014, pp. 148–159. (In Russ.).
- Volynchuk A.B. Cross-border region: theoretical foundations of geopolitical research. *Guman. Issled. Vostok. Sibiri Dal'n. Vostoke*, 2009, no. 4, pp. 49–55. (In Russ.).
- Voronov V.V. Convergence of the regions of the European Union: features and assessment. *Ekonom. Social. Peremeny: Fakt. Tendents. Prognoz*, 2014, vol. 36, no. 6, pp. 85–99. (In Russ.).
- Yarovoy G. EU-Russian cross-border cooperation between (de-)securitization and paradiplomacy: In search of new approaches towards cross-border governance. *Vestn. S.-Petersb. Univ. Politolog. Mezhdun. Otnosh.*, 2021, vol. 14, no. 2, pp. 156–181. (In Russ.).
<https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.203>
- Yas'kova T.I. Location between capitals as a challenge for Russian-Belarusian borderlands socio-economic development. *Reg. Issled.*, 2021, no. 2, pp. 74–85. (In Russ.).
- Zemlyak S.V., Lapshova O.A., Shelomentseva M.V. Structurization and segmentation of the space of the Russian-Belarusian border area. *Ekonom. Nalogi. Pravo*, 2015, no. 6, pp. 78–86. (In Russ.).
- Zotova M.V., Gritsenko A.A., Sebentsov A.B. Everyday life in the Russian borderlands: motives and factors of cross-border practices. *Mir Rossii*, 2018, no. 4, pp. 56–77. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-4-56-77>